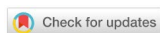

© 2023. Нелюбин Н. И.

Психология мышления в поисках человекообразности

оригинальная статья

Психология мышления в поисках человекообразности: системно-антропологический взгляд

Нелюбин Николай Иванович

Омский государственный педагогический университет, Россия, Омск

<https://orcid.org/0000-0001-5257-7467>

Scopus Author ID: 57216981850

nelubin2001@yandex.ru

Поступила в редакцию 21.10.2022. Принята после рецензирования 21.11.2022. Принята в печать 25.11.2022.

Аннотация: В статье обосновывается необходимость расширения предметной области психологии мышления, чтобы она была соразмерна психологии человеческого бытия. В качестве целостного онтологического пространства мышления предлагается рассматривать становящийся и усложняющийся жизненный мир человека, в контексте которого разворачиваются проблематизация и мыслительный поиск. Автор аргументирует предположение о транспонировании жизненных отношений и экзистенциальной настроенности человека в операциональные, динамические, предметно-тематические, стилевые аспекты собственного мышления. Показано, что каждый акт и каждое событие мысли целостно понимаемого человека не могут быть отделены от индивидуальной истории его мыследеятельных отношений с собой и миром. Представлено описание «экзистенциальной динамики» мышления, которая включает в себя транстемпоральные и хронотопические аспекты длящегося ментального опыта человека, а также топологию становления его когитальной идентичности. Описаны новые перспективные направления дальнейших теоретических и опытно-экспериментальных изысканий в психологии мышления, которые могут быть реализованы в русле системной антропологической психологии.

Ключевые слова: мышление, мысль, человек, жизненные отношения, жизненный мир, хронотоп, экзистенциальная настроенность, когитальная идентичность

Цитирование: Нелюбин Н. И. Психология мышления в поисках человекообразности: системно-антропологический взгляд. *СибСкрипт*. 2023. Т. 25. № 2. С. 161–168. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-2-161-168>

full article

Psychology of Thinking in Search of Human Dimension: A Systemic and Anthropological View

Nikolay I. Nelyubin

Omsk State Pedagogical University, Russia, Omsk

<https://orcid.org/0000-0001-5257-7467>

Scopus Author ID: 57216981850

nelubin2001@yandex.ru

Received 21 Oct 2022. Accepted after peer review 21 Nov 2022. Accepted for publication 25 Nov 2022.

Abstract: The psychology of thinking needs to expand its subject area in order to match the psychology of human existence. The processual and complicated life world of a person is an integral ontological space of thinking, in the context of which problematization and mental search unfold. The author believes that life relations and existential mood should be regarded as operational, dynamic, subject-thematic, and stylistic aspects of thinking. Acts and events of thought of a holistically understood personality cannot be separated from their active thinking relationship with the Self and the world. The *great dynamics* of thinking includes transtemporal and chronotopic aspects of the ongoing mental experience and the topology of cognitive identity. New promising directions for further theoretical and experimental research in the psychology of thinking can be implemented in line with systemic anthropological psychology.

Keywords: thinking, thought, person, life relations, life world, chronotope, existential mood, cognitive identity

Citation: Nelyubin N. I. Psychology of Thinking in Search of Human Dimension: A Systemic and Anthropological View. *SibScript*, 2023, 25(2): 161–168. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-2-161-168>

Введение

В психологической науке сегодня уже со всей очевидностью назрела необходимость расширения предметного поля и смены методологических оптик при изучении мышления, так чтобы они были релевантны применяемым в психологии человеческого бытия. Если рассматривать эту необходимость применительно к системной антропологической психологии (САП), то можно воспользоваться высказыванием А. М. Пятигорского: «Антропология – это, если угодно, новый комплекс представлений о себе как носителя мышления»¹. Это вполне убедительный тезис, ведь в центре современного антропологического дискурса, особенно его гуманитарного пласта, оказывается целостный мыслящий человек. В мышлении посредством его способов и содержаний человек не только познает природную среду, он также опознает и конституирует самого себя, в том числе как носителя и собственника мышления, участника индивидуальных и групповых событий мышления. Поскольку человек в своей предельной человеческой сущности к мышлению «предназначен и уготован», что подчеркивал еще М. Хайдеггер [Хайдеггер 1991], то и мышление необходимо рассматривать не столько как психическую функцию, а как сущностную силу, подлежащую овладению и реализации. В этом и состоит одно из экзистенциальных заданий человека.

Привычный для многих исследователей когнитивный подход не позволяет сделать предметом изучения весь спектр человекообразных форм проявления мышления, таких как осмысляющее раздумье (М. Хайдеггер), поступающее мышление (М. М. Бахтин, В. П. Зинченко), художественное мышление (М. С. Каган), поэтическое мышление (К. Хюбнер), нарративное мышление (Дж. Брунер), повседневное мышление (А. Щюц), напряженная возможность мышления, эмоционально-установочные комплексы мышления (В. Е. Клочко, О. М. Краснорядцева), когитальная идентичность (Н. И. Нелюбин). Каждый из этих концептов соотносится с вполне определенными, отчетливо переживаемыми состояниями мыслящего человека и формами мышления, выходящими далеко за рамки инструментальной рассудочности. Эти состояния невозможно игнорировать в силу их очевидной включенности в жизнь и сознательный опыт мыслящего человека: «за мыслью стоит весь человек, все силы его духа, души и тела: не только интеллект, но и воля,

и страсть» [Зинченко 2010: 15]; каждая мысль вплетается в «единую ткань... эмоционально-волевого действенно-живого мышления-переживания» [Бахтин 2003: 33]. Удивительное концептуальное созвучие высказываний М. М. Бахтина и В. П. Зинченко (сформулированных почти с вековой разницей во времени, но по-прежнему ждущих своего признания в качестве руководящих принципов при исследовании мышления) указывает на необходимость расширения онтологических границ, в рамках которых исследователи отслеживают «развитие и развертывание динамических процессов самой мысли» [Выготский 1983: 250]. Каждая мысль, если она действительно живая и персонифицированная, не отделена от полноты человеческого существа, поскольку человек в таком случае мыслит поверх формально заданных границ проблемной ситуации, другими словами, он мыслит в полноте своего бытия, или, словами Л. С. Выготского, – в контексте «мыслящей жизни» [Выготский 1983: 252]. Итак, в мышлении (в его операциональных, динамических, предметно-тематических, стилевых аспектах) человек представлен не менее полно, равно как и в иных формах жизненных отношений. Если перефразировать известную формулу С. Л. Рубинштейна, то можно утверждать, что человек в своих мыследеятельных отношениях с миром и с собой «не только обнаруживается и проявляется; он в них создается и определяется» [Рубинштейн 1986: 106]. По способу, стилю мышления и устойчивым во времени предметно-тематическим пристрастиям в его мыслительном поиске «можно определять то, что он есть» [Рубинштейн 1986: 106].

Попытки искать истоки мышления в нем же самом и замыкание на интеллектуальной динамике мыслительного процесса в поисках его нулевого звена назывались контрпродуктивными еще Л. С. Выготским: «Сама мысль рождается не из другой мысли, а из мотивирующей сферы нашего сознания, которая охватывает наше влечение и потребности, наши интересы и побуждения, наши аффекты и эмоции» [Выготский 1982: 357]. Для того чтобы понять динамические истоки мышления, необходимо выйти за рамки сугубо когнитивной сферы, поскольку в нем участвует целостный человек именно как собственник сознания и мысли, а не как оператор когнитивных процессов, отстраненный от собственных жизненных событий, имеющих для него смысл

¹ «Мышление ведь происходит формами...» (беседа Григория Амелина с Александром Пятигорским). *Новое литературное обозрение*. 2003. № 1. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2003/1/myshlenie-ved-proishodit-formami.html> (дата обращения: 20.09.2022).

и значимость, от индивидуальной истории мыслительных отношений с собой и миром. В таком участливом, жизненном мышлении, кардинально отличном от формализованной интеллектуальной деятельности, рождается «мысль, нацеленная на целое и захватывающая экзистенцию» [Хайдеггер 2013: 34]. В событие мышления человек вовлекается на бытийном уровне, это известно на примере многочисленных автобиографических воспоминаний ученых, художников, поэтов, которые, находясь на пороге открытий и инсайтов, переживали собственный мыслительный поиск как некое экзистенциальное задание на «схватывание», прояснение и объективацию смысла, как «метафизическое томление по нему, захватившее всю личность вплоть до самых прозаических занятий» [Мамардашвили 2020: 10]. Например, Л. Н. Толстой так описывал эту экзистенциальную установку: «Во всем, почти во всем, что я писал, мною руководила потребность собирания мыслей, сцепленных между собой для выражения себя»². Этот мыслительный поиск редко сопровождается оптимистическим настроением, поскольку чаще всего во время него человек пребывает в состоянии апории – «настроении загадочной взвешенности, тревоги, недоумения, паники от догадки, что... вообще не пахнет решением» [Бибихин 2008: 104]. Но именно эта экзистенциальная настроенность как раз и задает тот аффективно-смысловой фон, ту участливую погруженность в предмет, без которых невозможно ни на йоту продвинуться в решении мыслительной задачи. Другими словами, в событие мышления, равно как и в саму ткань мышления-переживания, вплетается экзистенциальная преданность, которую невозможно вынести за скобки ментального пространства человека.

Методологические прозрения и инерция онтологической близорукости

В. П. Зинченко полагал, что мыслительный процесс осуществляет не мышление, а мыслящее лицо, т.е. сам человек, сознающий себя [Зинченко 2002]. Признание данного тезиса, казалось бы, указывает на необходимость охвата психологией мышления более широкого поля феноменов, относящихся к экзистенциальным измерениям человеческого бытия и расширению онтологического пространства, в границах которого «свершается мысль», до масштабов жизненного мира мыслящего человека. Вместе с тем на деле многие исследователи по-прежнему ограничиваются привычными теоретическими оптиками и предпочитают замещать мышление самопроизвольно «мыслящим рассудком (аппаратом для продуцирования мыслей

и манипулирования ими [Бион 2008: 12]), работа которого исчерпывается различением, определением и упорядочением» [Ясперс 2013: 130]. Критика К. Ясперсом такого узкого понимания мышления своими современниками не потеряла актуальности вплоть до сегодняшнего дня, т.к. рассудочная активность субъекта в рамках достаточно локальных пространственно-временных условий решения познавательной задачи (пусть даже и содержащей противоречие) по установлению существенных свойств объекта и его связей с другими объектами довольно часто берется в качестве предмета исследования в психологии мышления. При этом сама рассудочная активность рассматривается будто бы в вакууме психического аппарата субъекта, очищенного от его жизненных отношений, от истории его становления в качестве целостного субъекта жизни и мышления. То есть мышление изучается как инструмент, средство, когнитивный акт, соотношенный с конкретной экспериментальной ситуацией, но не как модус бытия конкретного человека с определенной историей жизнеосуществления и определенным жизненным миром.

Гносеологическая пропасть между мышлением и бытием, сохраняющаяся в современной психологии, не способствует развитию психологии человеческого бытия, курс на которую был взят одновременно с оформлением постнеклассического идеала познания в гуманитарных науках. Единство мышления, мыслящего человека и мыслимого содержания на уровне философской рефлексии является вполне понятным моментом (так же как и легитимизация личностного знания в корпусе научной теории), но это единство все еще остается зоной ближайшего (хочется в это верить), а для некоторых ученых зоной невозможного развития психологии мышления. Ряд исследователей предпочитает искренне не замечать этого единства, другие усматривают в нем негативную эвристику и аномалию (в методологическом смысле слова), угрожающую их теоретическим построениям и парадигмальным установкам.

Налицо довольно противоречивая ситуация: признается неустранимость познающего человека, его ценностных установок и переживаний из акта и результатов познания (в рамках неклассической и постнеклассической методологии), зависимость фактов от ценностных обязательств исследователя [Putnam 1981], но сам акт познания при этом часто изучается путем использования довольно инерционных исследовательских лекал. В лучшем случае допускается, что в когнитивный по своей природе процесс вкрапляются аффективные, мотивационные, ценностные, смысловые элементы, но при этом сохраняется стереотип, что мышление

² Толстой Л. Н. 296. Н. Н. Страхову. *Собрание сочинений. Т. 18. Избранные письма 1842–1881.* М.: Худож. лит., 1984. С. 784.

решает не смысловые, а довольно ситуативные интеллектуальные задачи. Онтологическое пространство, в плену которого находится мыслящий человек, сводится к актуальности экспериментальной ситуации. Общая «экзистенциальная настроенность» человека [Хайдеггер 1991; Хюбнер 2004: 123], определяющая способность к допредикативному схватыванию смысла явлений и событий, актуализирующая экзистенциальные доминанты мышления, которые придают вневременную актуальность определенным вопросам и противоречиям (всему тому, что действительно занимает человека в силу своей жизненной значимости), – все это пока остается за рамками привычных предметных областей психологии мышления. Из объяснительных схем, используемых в этой области, выпадает один важный момент (игнорирование которого приводит к деонтологизации мышления): каждое содержание мышления, каждая мысль сопровождается некоторой экзистенциальной настроенностью. «Мысль нельзя подумать механически, она рождается из душевного потрясения» [Мамардашвили 2000: 25]. Без этого невозможно ни художественное, ни поэтическое, ни научное мышление. Мысль не очищается в процессе ее становления и осуществления от бытийных отношений человека с миром, а напротив, питается ими, усиливает ими свою «динамическую плодотворность» (метафора Г. Зиммеля [Зиммель 2017]). Или, как замечает М. Хайдеггер, «мысль... допускает бытию захватить себя» [Хайдеггер 1993: 192]. В противном случае она превратится в статичный «пустотелый концепт», лишенный динамического потенциала, и будет представлять весьма сомнительную ценность для психологического анализа мышления.

Хронотоп и «экзистенциальная динамика» мышления

Парадоксальность современной гносеологической ситуации заключается еще и в том, что, когда человек получает знания о мире, он теряет ряд значимых черт самого мыслительного процесса [Зинченко 2002]. Они будто остаются в тени продуктов мышления. К таким чертам относятся гетерогенность, надситуативность, темпоральность, нелинейность, полифоничность, событийность, хронотопичность, эмерджентность. Вооружившись оптиками сложного и сверхсложного мышления, ученые обнаруживают эти свойства в исследуемых предметных областях (текст, сознание, идентичность и др.), но почему-то забывают или затрудняются наделять этими свойствами то, посредством чего они это делают. Возможно, проблема кроется в охвате аналитического фокуса. Все эти характеристики мышления могут получить должное изучение только вследствие

расширения предметного поля психологии мышления путем включения в него «обстоятельства, формы и последствия духовного опыта» человека [Фуко 2007: 29], мыслящего в контексте собственного жизненного хронотопа, собственного жизненного мира. Смысловые пространства жизни и мышления не только резонируют, но и синхронно уплотняются и сгущаются; движение мысли, если воспользоваться метафорой М. М. Бахтина, «втягивается в движение времени, сюжета» жизни мыслящего человека, и наоборот [Бахтин 1975: 235]. Пространственно-временные и смысловые измерения мышления и жизни сообщаются, образуют единый хронотоп бытийного мышления.

Напряженное состояние мышления, характеризующее сгущением мысли, сопровождается своеобразным эффектом уплотнения времени и пространства существования мыслящего человека. Он будто бы оказывается на пересечении нескольких уровней смыслообразования одновременно: операциональном, аффективном, мотивационном, рефлексивном. Вместе с тем это синтетическое состояние феноменально переживается как своеобразный контрапункт, в котором сходятся различные временные измерения его мышления: от ретроспективной обращенности к уже осуществленным формам и содержаниям мысли до проспективно-интуитивного поиска новых. Полагаем, читателю знакомо такое состояние, когда в ситуации напряженного мышления длящаяся мысль обогащается новыми идеаторными содержаниями – еще не отрефлексированными и вербально не оформленными, но уже вплетенными в смысловую ткань мышления, в его предсознательную динамику. П. А. Флоренский очень точно описал динамику художественного творения, в которой происходит круговорот и обогащение тематических и событийных характеристик художественного мышления: «Как шум отдаленного прибоя, звучит автору его ритмическое единство. Темы уходят и возвращаются, и снова уходят, и снова возвращаются, так – далее и далее, каждый раз усиливаясь и обогащаясь, каждый раз наполняясь по-новому содержанием и соком жизни» [Флоренский 2000: 37]. Похожие состояния (но в большей степени характеризующие актуалгенез мыслительной деятельности в условиях достаточно локализованной во времени экспериментальной ситуации), сопровождающие «зарождение невербализованных замыслов» в ситуации обнаружения человеком познавательного противоречия [Тихомиров 1984: 126], были впервые экспериментально выявлены и описаны в ранних исследованиях И. А. Васильева и В. Е. Ключко, проводимых в лаборатории О. К. Тихомирова [Тихомиров 1984]. Вместе с тем «экзистенциальная динамика» мышления, образующая единый хронотоп жизни и мышления человека, взятая

в фокусе ее экзистенциально-феноменологического анализа, по-прежнему остается зоной ближайшего, но неудобного развития для психологии мышления.

Не теряет своей актуальности и вопрос В. П. Зинченко о том, откуда берется зазор длящегося опыта (особое хронопическое пространство) между ситуацией выбора способа решения задачи и самим выбором (ответом) [Зинченко 2010: 19]. Второй вопрос, ждущий ответа: как человек конституирует это пространство, размещается и удерживается в нем; как он длит в своем сознательном и бессознательном опыте то явно, то подспудно актуализирующуюся мысль (точный образ есть у А. Белого: «Так и мысль!.. Вот – она... Но она – глубина, Заходившая зыбко»³), достраивает и завершает ее, причем порою спустя годы и десятилетия после того, как она впервые мелькнула. Феномены мучительного интеллектуального поиска, экзистенциальной преданности человека решению определенного круга познавательных проблем (нежелания отступать и размениваться на конъюнктурные и компромиссные решения) и отсроченной во времени эврики, известные по автобиографическим воспоминаниям ученых, художников, поэтов, также свидетельствуют о неустраимости экзистенциального аспекта мышления.

На смену когнитивно-поведенческой ситуации мышления приходит признание его ценностно-смысловой и аффективно-мотивационной составляющих и необходимость взять курс на изучение экзистенциально-онтологического пространства мышления, вовлекающего в свою орбиту жизненные отношения человека с миром и значимые переживания его жизненного мира. Такие переживания носят для него долгоиграющий, транстемпоральный характер, поскольку человек, взятый в контексте собственного жизненного мира, пребывает в ситуации «длящегося мышления» (как заметил бы М. К. Мамардашвили), а не в отдельных (дискретных) эпизодах рассудочной деятельности. Как ни странно, но близкую по основному посылу идею можно встретить у Ж. Пиаже: «когнитивные формы зависят не только от существующего в данный момент "поля", но также от всей предшествующей истории действующего субъекта» [Пиаже 2004: 8]. Получается, еще Ж. Пиаже намекал на транстемпоральную природу ментального поля. Целостный исторический субъект мышления располагает теми конструктами и основаниями мыслительной деятельности, которые складывались и формировались в пространстве-времени его мыследеятельности, которое референтно пространству-времени его индивидуальной жизни. В качестве целостного онтологического пространства мышления человека необходимо

рассматривать жизненный мир – то аффективно-смысловое поле жизненных событий (со всей историей его становления), в контексте которого разгравываются достаточно драматичные и напряженные проблематизация и мыслительный поиск. Неслучайно М. К. Мамардашвили определял главное экзистенциальное условие мышления через тезис *чтобы мыслить, надо уже быть в мышлении*. Это значит, что в мышлении необходимо разместиться как в особом онтологическом пространстве жизни, нужно сбываться в собственном мышлении, относиться к нему как к особому «бытийно-личностному эксперименту», и только тогда мышление станет действительно живым актом [Мамардашвили 2000; 2020].

От метафоры к исследовательскому курсу

Если воспользоваться метафорическим сравнением, то мышление – это длящийся сериал (или роман) с развивающимися сюжетом и главным героем, который находится в силовом поле значимых мыслительных событий, противоречий и непрерывно тематизирует и конституирует себя как мыслящего человека (доопределяется в собственном мышлении) в контексте временной трансспективы собственного жизненного пути. Здесь вполне уместно вспомнить предупреждение Л. С. Выготского: «Как только мы оторвали мышление от жизни, от динамики и потребности, лишили его всякой действенности, мы закрыли себе всякие пути к выявлению и объяснению свойств и главного назначения мышления: определять образ жизни и поведения, изменять наши действия, направлять их и освобождать их из-под власти конкретной ситуации» [Выготский 1983: 252]. Мышление, которое берется только как инструмент решения интеллектуальных задач ситуативного плана, – это далеко не все мышление, а лишь его эмпирически освоенная часть, и ограничиваться подобной предметной областью в его изучении – значит закрывать путь к его действительной онтологии. Мышление – не только (и не столько) познавательный акт, психическая функция (пусть и высшая), сколько «способ, модус существования человека по отношению к бытию» [Рубинштейн 2003: 285]. Если работу мышления свести к обнаружению противоречий и решению задач сугубо интеллектуального характера, то мышление утратит свою жизненную значимость, утрируется до рассудочной активности, лишенной экзистенциальной интенции. Вместе с этим это бы означало, что оно лишается статуса сущностной силы человека. Но экзистенциально-антропологический взгляд

³ Андрей Белый. Вода. Русская поэзия «серебряного века», 1890–1917: антология. М.: Наука, 1993. С. 256.

на мышление, более чем убедительно представленный в философско-психологическом дискурсе о человеке и его сущностных силах, говорит об обратном: оно соразмерно не отдельно взятым ситуациям познания, содержащим познавательное противоречие, а индивидуальному бытию того, кто мыслит. Человек всегда мыслит, находясь как бы в плену собственной онтологической ситуации. В пределе он стремится к тому, чтобы в мыслимом и в способе мышления сказывалось его бытие (как бытие поэта в его поэтическом мышлении, так и бытие ученого в способах конструирования и содержании личностного знания, неустрашимого из его теории). Мыслить в экзистенциальном смысле – значит давать сказать в мысли всей полноте своего существа, значит мыслить «в полноте своего существа» [Мамардашвили 2000].

Намеченный нами исследовательский курс вполне обоснован и подкрепляется убедительными доводами целой когорты выдающихся ученых, которые очень хорошо знали о приоритете экзистенциальной составляющей в мышлении. Об ошибочности редуцирования мышления к «голой вычислительности», осуществляемой с помощью набора инструментов формальной логики, писали Дж. Брунер, В. В. Библихин, М. К. Мамардашвили, Г. Маркузе, А. А. Ухтомский, Э. Фромм, М. Хайдеггер, М. Хоркхаймер, К. Ясперс. Подобная редукция препятствует пониманию экзистенциальной стороны мышления, его экзистенциальной топологии. «Мыслью осуществляется отношение бытия к человеческому существу» [Хайдеггер 1993]. М. К. Мамардашвили утверждал, что человек постоянно доопределяется в собственном мышлении (в случае действительного мышления, а не его инструментального суррогата), преодолевает мертвые схематизмы своего существования, освобождается от онтологической слепоты [Мамардашвили 2000; 2020]. Не зря еще с античной философии основным мотивом мышления выступала забота о себе, в соответствии с которой необходимо было добиться такого качества знания, чтобы оно стало «новым образом жизни, активным размышлением, живым сознанием» [Адо 2005: 104], субъект подобной духовной практики стал тем, что он знает [Адо 2005], а мышление являлось для него частью испытания собственной судьбы [Мамардашвили 2000]. Экзистенциальная конструктивность мышления проявляется в том, что оно выступает как сущностная сила, позволяющая создавать, усложнять и преобразовывать многомерное «пространство жизни». Как мы отмечали ранее, «мышление, понятое как модус человеческого бытия, есть вместе с тем способ трансценденции человека в направлении такого миропроекта, в котором будет снят разрыв между миром и существованием»

[Нелюбин 2016: 55]. На уровне сознания это означает разрешение противоречия между образом мира и образом жизни [Клочко, Краснорядцева 2001]. Этот трансцендирующий потенциал мышления был емко и точно описан В. В. Библихиным: «Дело мысли – найти себя не на своей картине мира, а там, где она, сама плохо понимая зачем, снова и снова, непрестанно и все быстрее рисует, теперь уже только вчерне успевая набросать» новые, становящиеся миры [Библихин 1993: 12]. Подобный подход к пониманию работы мышления, сформулированный выдающимся отечественным философом, ждет своего должного развития в психологии, особенно в тех ее рубриках, которые сосредоточены на изучении механизмов становления и усложнения образа мира человека, механизмов его сопряжения с образом жизни. Здесь мышление необходимо рассматривать в трансперспективном ключе, беря во внимание его большую динамику, включающую в себя динамику становления мыслящего человека, – его когнитальную топологию и персональную антологию мысли, которая несет на себе печать персональной истории его жизненных отношений с миром и самим собой.

Заключение

Поскольку в качестве предмета системной антропологической психологии выступает целостный человек, «т. е. взятый в единстве со всей многомерностью его бытия в создаваемом им самим многомерном пространстве жизни» [Клочко и др. 2015: 10], то и психология мышления как одна из магистральных линий развития САП требует дальнейшего масштабирования (и в плане теоретической рефлексии, и в плане разработки дизайна исследования), чтобы мерности мышления и мерности человеческого бытия при невозможности их изучения как тождественных измерений изучались по крайней мере как релевантные.

В качестве одного из направлений такого масштабирования мы видим изучение мышления (в трансперспективном ключе) как формы самоосуществления человека. Здесь необходимо сосредоточить усилия на выявлении и описании «экзистенциальной (или жизненной) динамики» мышления, внутри которой пространственно-временные, сюжетно-тематические и аффективно-смысловые измерения мышления и жизни уплотняются, сгущаются, образуют единый хронотоп, являющий собой онтологическую основу жизненного пространства мыслящего человека.

В качестве другого направления может выступать дальнейшая концептуализация конструкта *когнитальная идентичность*, начало которой было положено ранее [Нелюбин 2019; 2020]. Невозможно обойти стороной тот факт, что персональная история мышления

человека (или длящееся мышление, понимаемое нами в транспективном ключе) как важнейший аспект его самотождественности во времени обладает такими свойствами, как цельность, хромотопичность, самобытность, непрерывность и преемственность предметно-тематических доминант (которые объясняют избирательную чувствительность мыслящего человека к определенным «долгоиграющим» мыслительным дилеммам и противоречиям). Возможно, дальнейшая концептуализация и операционализация конструкта *когнитивная идентичность* позволит углубиться и в понимание психологических механизмов, обеспечивающих суверенность и преемственность ментального пространства человека в контексте индивидуальной транспективы его жизненного пути.

Сквозным аналитическим лейтмотивом при разработке указанных направлений будет выступать мета-анализ динамических и содержательных свойств мышления, проявляемых с помощью методологических оптик САП: гетерогенности, надситуативности, трансемпоральности, нелинейности, полифоничности, событийности, хромотопичности, эмерджентности.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Адо П. Духовные упражнения и античная философия. М.: Степной ветер; СПб.: Коло, 2005. 448 с. [Hado P. *Spiritual exercises and ancient philosophy*. Moscow: Stepnoi veter; St. Petersburg: Kolo, 2005, 448. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qwkwmr>
- Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Худож. лит., 1975. 504 с. [Bakhtin M. M. *Questions of literature and aesthetics. Studies of various years*. Moscow: Khudozh. lit., 1975, 504. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/wtjaln>
- Бахтин М. М. К философии поступка. *Собрание сочинений. Т. 1: Философская эстетика 1920-х годов*. М.: Русские словари, 2003. С. 7–68. [Bakhtin M. M. *Toward a philosophy of the act. Collected works. Vol. 1: Philosophical aesthetics of the 1920s*. Moscow: Russkie slovari, 2003, 7–68. (In Russ.)]
- Бибихин В. В. Внутренняя форма слова. СПб.: Наука, 2008. 420 с. [Bibikhin V. V. *The inner form of the word*. St. Petersburg: Nauka, 2008, 420. (In Russ.)]
- Бибихин В. В. Дело Хайдеггера. In: Хайдеггер М. *Время и бытие: статьи и выступления*. М.: Республика, 1993. С. 3–14. [Bibikhin V. V. Heidegger's case. In: Heidegger M. *Time and being: articles and speeches*. Moscow: Respublika, 1993, 3–14. (In Russ.)]
- Бион У. Р. Научение через опыт переживания. М.: Когито-Центр, 2008. 128 с. [Bion W. R. *Learning from experience*. Moscow: Kogito-Tsentr, 2008, 128. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/sdsgvx>
- Выготский Л. С. Собрание сочинений. Т. 2. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1982. 504 с. [Vygotsky L. S. *Collected works. Vol. 2. Problems of general psychology*. Moscow: Pedagogika, 1982, 504. (In Russ.)]
- Выготский Л. С. Собрание сочинений. Т. 5. Основы дефектологии. М.: Педагогика, 1983, 368 с. [Vygotsky L. S. *Collected works. Vol. 5. Fundamentals of defectology*. Moscow: Pedagogika, 1983, 368. (In Russ.)]
- Зиммель Г. Гёте. Глава II. Истина. In: Зиммель Г. *Избранное. Философия культуры*. 2-е изд. М.-СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. С. 163–184. [Simmel G. Goethe. Chapter II. Truth. In: Simmel G. *Selected works. Philosophy of culture*. 2nd ed. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2017, 163–184. (In Russ.)]
- Зинченко В. П. Наука о мышлении (часть 1). *Психологическая наука и образование*. 2002. Т. 7. № 1. С. 5–18. [Zinchenko V. P. The science of thinking: Part 1. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie*, 2002, 7(1): 5–18. (In Russ.)]
- Зинченко В. П. Теоретическое и / или полифоническое мышление. *Психологическая наука и образование*. 2010. Т. 15. № 4. С. 8–29. [Zinchenko V. P. Theoretical and / or polyphonic thinking. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie*, 2010, 15(4): 8–29. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nboifd>
- Клочко В. Е., Галажинский Э. В., Краснорядцева О. М., Лукьянов О. В. Системная антропологическая психология: понятийный аппарат. *Сибирский психологический журнал*. 2015. № 56. С. 9–20. [Klochko V. E., Galazhinsky E. V., Krasnoryadtseva O. M., Lukyanov O. V. System anthropological psychology: framework of categories. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal*, 2015, (56): 9–20. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/17267080/56/2>

- Клочко А. В., Краснорядцева О. М. Суверенность как результат становления человека в совмещенной психологической системе. *Вестник Барнаульского государственного педагогического университета*. 2001. № 1-1. С. 4-8. [Klochko A. V., Krasnoryadtseva O. M. Sovereignty as a result of man making in combined psychological system. *Vestnik Barnaulskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2001, (1-1): 4-8. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pyjdet>
- Мамардашвили М. К. Вильнюсские лекции по социальной философии (опыт физической метафизики). СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. 320 с. [Mamardashvili M. K. *Vilnius lectures on social philosophy (essay on physical metaphysics)*. St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2020, 320. (In Russ.)]
- Мамардашвили М. К. Эстетика мышления. М.: МШПИ, 2000. 416 с. [Mamardashvili M. K. *Aesthetics of thinking*. Moscow: MSPS, 2000, 416. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/udabjb>
- Нелюбин Н. И. Предтечи постнеклассического мышления в российской психологии: П. А. Флоренский. *Сибирский психологический журнал*. 2020. № 76. С. 6-19. [Nelyubin N. I. Forerunners of post-non-classical thinking in Russian psychology: P. A. Florensky. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal*, 2020, (76): 6-19. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/17267080/76/1>
- Нелюбин Н. И. Проблема мышления в психологии: системно-антропологический ракурс. *Сибирский психологический журнал*. 2016. № 60. С. 53-64. [Nelyubin N. I. The problem of thinking in psychology: system-anthropological perspective. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal*, 2016, (60): 53-64. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/17267080/60/4>
- Нелюбин Н. И. Прологомены к системно-антропологической теории мышления. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2019. Т. 21. № 1. С. 112-120. [Nelyubin N. I. Prolegomena to the system-anthropological theory of thinking. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(1): 112-120. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-1-112-120>
- Пиаже Ж. Психология интеллекта. СПб.: Питер, 2004. 192 с. [Piaget J. *The psychology of intelligence*. St. Petersburg: Piter, 2004, 192. (In Russ.)]
- Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003. 512 с. [Rubinstein S. L. *Being and consciousness. Man and the world*. St. Petersburg: Piter, 2003, 512. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/lbqest>
- Рубинштейн С. Л. Принцип творческой самодеятельности (к философским основам современной педагогики). *Вопросы психологии*. 1986. № 4. С. 101-108. [Rubinstein S. L. The principle of creative initiative (to the philosophical foundations of modern pedagogy). *Voprosy Psikhologii*, 1986, (4): 101-108. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ystapr>
- Тихомиров О. К. Психология мышления. М.: МГУ, 1984. 272 с. [Tikhomirov O. K. *Psychology of thinking*. Moscow: MSU, 1984, 272. (In Russ.)]
- Флоренский П. А. Сочинения. М.: Мысль, 2000. Т. 3(1). 621 с. [Florensky P. A. *Works*. Moscow: Mysl, 2000, vol. 3(1), 621. (In Russ.)]
- Фуко М. Герменевтика субъекта: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981-1982 учебном году. СПб.: Наука, 2007. 677 с. [Foucault M. *The hermeneutics of the subject: lectures at the College de France, 1981-82*. St. Petersburg: Nauka, 2007, 677. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qwqsj>
- Хайдеггер М. Основные понятия метафизики: мир – конечность – одиночество. СПб.: Владимир Даль, 2013. 591 с. [Heidegger M. *The basic concepts of metaphysics: world, finiteness, and loneliness*. St. Petersburg: Vladimir Dal, 2013, 591. (In Russ.)]
- Хайдеггер М. Письмо о гуманизме. In: Хайдеггер М. *Время и бытие: статьи и выступления*. М.: Республика, 1993. С. 192-220. [Heidegger M. Letter on humanism. In: Heidegger M. *Time and being: articles and speeches*. Moscow: Respublika, 1993, 192-220. (In Russ.)]
- Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. М.: Высш. шк., 1991. 192 с. [Heidegger M. *Country path conversations*. Moscow: Vyssh. shk., 1991, 192. (In Russ.)]
- Хюбнер К. Как философия высказывается в поэзии. *Человек. Наука. Цивилизация. К семидесятилетию академика В. С. Стёпина*, отв. ред. и сост. И. Т. Касавин. М.: Канон+, 2004. С. 117-125. [Huebner K. How philosophy is expressed in poetry. *Man. The science. Civilization. Dedicated to the 70th birthday of Academician V. S. Stepin*, ed. and. comp. Kasavin I. T. Moscow: Kanon+, 2004, 117-125. (In Russ.)]
- Ясперс К. Разум и экзистенция. М.: Канон+, Реабилитация, 2013. 336 с. [Jaspers K. *Mind and existence*. Moscow: Kanon+, Reabilitatsiia, 2013, 336. (In Russ.)]
- Putnam H. *Reason, truth, and history*. Cambridge: Cambridge University Press, 1981, 222. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511625398>